

## ЕВГЕНИЙ ШКЛЯР В ЛАТВИЙСКОЙ ПЕЧАТИ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА\*

**Павел Лавринец**

Вильнюсский университет  
Кафедра русской филологии

**Наталья Кононова**

Латвийский университет  
Отделение славянских языков и литератур

Поэт, журналист, переводчик Евгений Шкляр<sup>1</sup> сотрудничал со многими периодическими изданиями в межвоенной Литве, был членом редакций некоторых из них или возглавлял их в качестве главного редактора. Он был также сотрудником и постоянным автором газет и журналов на русском языке, выходящих в Германии, Латвии, Эстонии, Чехословакии, Франции. В комментариях и справочниках отмечалось его участие в латвийской печати, например: «С 1920 Ш. жил в Ковно, и в большинстве случаев его стихи печатались в прибалтийской периодике (*Сегодня, Сегодня вечером, Либавское русское слово, Народная мысль, Наш огонек* и в основанном самим Ш. *Бал-*

*тийском альманахе*)»<sup>2</sup>. Однако публикации Шкляра в русскоязычной прессе Латвии не становились предметом специального исследования.

Предпринятое изучение сотрудничества Шкляра в латвийской периодике третьего десятилетия прошлого века призвано конкретизировать некоторые аспекты биографии литератора и журналиста. Оно может показать, хотя бы отчасти, интенсивность связей между центрами русской печати балтийского региона. Одновременно уточняется творческая история некоторых поэтических текстов Шкляра, включавшихся после публикации различных версий и редакций в периодических изданиях в его сборники, – в некоторых случаях десятилетие спустя. Представляет интерес также анализ сдвигов преимущественной тематической ориентации в стихотворных текстах Шкляра.

\* Статья подготовлена при поддержке Литовского государственного фонда науки и исследований.

<sup>1</sup> См. статьи и указанные в них многочисленные публикации: Павел Лавринец, 1) «Licentiae biographicae: Биографические мистификации Евгения Шкляра. I», *Literatūra: Rusistica Vilnensis*, 2003, 45 (2), 17–27; 2) «Licentiae biographicae: Биографические мистификации Евгения Шкляра. II», *Literatūra: Rusistica Vilnensis*, 2004, 46 (2), 92–103.

<sup>2</sup> *Словарь поэтов Русского Зарубежья*, под ред. В. Крейды, С-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999, 270.

В конце 1920 г. Шкляр начал сотрудничать с рижской газетой *Сегодня*<sup>3</sup> в качестве ее каунасского корреспондента: 7 декабря *Сегодня* за подписью «Евгений Шк-р» поместила корреспонденцию «Плебисцит приближается» о ситуации в занятом поляками Вильнюсе, действиях главы Военной контрольной комиссии Лиги наций полковника П. Шардиньи, поведении в Каунасе представителей Польши, советской России, Англии (№ 269). Затем последовали с той же подписью «Польский “рейд” в Литве (От нашего ковенского корреспондента)» (№ 280, 18 декабря) и «События у польской границы (От нашего ковенского корреспондента)» (№ 281, 21 декабря<sup>4</sup>). В последней корреспонденции сообщалось о неприемлемости для Литвы даже «намек на голосование в принадлежащей ей по праву древней столице», готовности народа «стать как один человек на защиту своих границ, очагов, семей» и нейтралитете, которого литовское правительство намеревалось придерживаться в назревавшем польско-советском конфликте.

После этих корреспонденций сотрудничество с *Сегодня* прервалось. Изредка стихи Шкляра печатала *Либавское Русское Слово*; безгонорарная газета В. И. Тасьмана начала выходить в Лиепаве в январе

<sup>3</sup> О важнейшей русской газете в Латвии в 1920–1930-е гг. см.: Ю. И. Абызов, «Сегодня», *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940*, т. 2: *Периодика и литературные центры*, Москва: РОССПЭН, 2000, 426–431.

<sup>4</sup> Из названных только эта корреспонденция отмечена: Юрий Абызов, *Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944 гг.: Библиографический справочник*, ч. IV: Ро – Я, Stanford, 1991 (Stanford Slavic Studies, Vol. 3), 346; *Газета «Сегодня» 1919–1940: роспись*, сост. и авт. предисл. Ю. Абызов, ч. 1: *1919–1930*, Рига: Латвийская Нац. Б-ка, 2001, 32.

1920 г.<sup>5</sup> Здесь были опубликованы «Сонаты времени» («Довольно петь о кокаине...»; 1921, № 2, 4 января). В иной редакции стихотворение под заглавием «Грядущий Зодчий» было включено в первый сборник стихотворений Шкляра *Кипарисы*, вышедший в начале 1922 г. в Каунасе. Спустя три дня после публикации стихотворения «Расстрел» («Когда покинули бессонную тюрьму...», в каунасской газете *Эхо Литвы*<sup>6</sup> [1922, № 51, 5 августа]) оно было напечатано в *Либавском Русском Слове* (1922, № 174, 8 августа) с несущественными пунктуационными отличиями и лексическим заменами: вместо «Он вспомнил о семье, несчастный крикнул им» – «Но вспомнив о семье, несчастный крикнул им», вместо «Но после долго в тишине ночной» – «И после долго в тишине ночной»<sup>7</sup>. Других публикаций подписанного инициалами «Е. Ш.» стихотворения «Красная ночь» («О, если б спать!...»; 1922, № 209, 17 сентября), также с трагической сценой гражданской войны, не обнаружено.

Одновременно Шкляр начал печататься в русских газетах Эстонии. В первом же

<sup>5</sup> См. краткую характеристику: Ю. И. Абызов, «20 лет русской печати в независимой Латвии», *Русские в Латвии: история и современность*, вып. 2, сост. И. И. Иванов, науч. ред. Б. Ф. Инфантьев, Рига: Центр гуманитарных исследований и просвещения «Веди», 1997, 7.

<sup>6</sup> Это та же каунасская газета *Эхо* под руководством А. С. Бухова. 3 июня в ней были напечатаны два акrostиха, из которых один читается «Да здравствует Врангель», другой – «Ленин сволоч[ь]!». По требованию советского полпредства выход газеты был приостановлен и под измененным названием возобновлен 7 июня 1922 г. Благодарим Б. А. Равдина, обратившего наше внимание на акrostихи.

<sup>7</sup> За доброжелательную помощь авторы выражают признательность Л. Спрое, любезно предоставившей тексты Шкляра, опубликованные в газетах *Либавское Русское Слово* и *Народная Мысль* (см. ниже).

номере газеты *Свободное Слово*, выходящей в Таллинне в апреле – октябре 1921 г.<sup>8</sup>, извещалось об участии в газете рижанина Мих. Миронова (М. М. Цвик) и каунасцев Бухова и Шкляра; Бухов и Мих. Миронов сотрудничали и с *Либавским Русским Словом*. Действительно, в газете появилось несколько стихотворений Шкляра: «Вечер на Волге» (№ 7, 24 апреля), «Эль-Ханаан: Из кавказских новелл» («Он – неизвестный император...»; № 9, 27 апреля; ранее в *Эхо*; № 12, 16 января), «Тайна глаз» (№ 58, 26 июня), «Анне Ахматовой» («Золотое солнце скатилось за крыши...» (№ 74, 16 июля; ранее в *Эхо*; № 151, 29 июня)<sup>9</sup>. В апреле – сентябре 1922 г. в другой таллиннской газете *Жизнь* опубликовано восемь стихотворений Шкляра, большая часть которых прежде появлялась на страницах *Эхо* (*Эхо Литвы*).

В 1922 г. Шкляр несколько раз выезжал в Берлин налаживать контакты с владельцами русских книгоиздательств, редакторами журнала *Слово*, еженедельной газеты *Время*, библиографического журнала *Новости Литературы*. Он примкнул к литературно-художественному содружеству «Веретено». После того, как из него вышли В. А. Амфитеатов-Кадашев, Сергей Горный (А.-М. А. Оцуп), И. С. Лукаш, Сирин (В. В. Набоков), Г. П. Струве, В. Е. Татаринов, Леонид Чацкий (Л. И. Страховский)<sup>10</sup> и потре-

бовал вычеркнуть свое имя из списка содружества Бунин<sup>11</sup>, Шкляр покинул «Веретено», сложив с себя «обязанности представителя балтийского отделения содружества»<sup>12</sup>. Именование обязанностей свидетельствует о «всебалтийских» амбициях Шкляра, своеобразно реализованных к концу следующего года. В первой половине 1923 г. его отлучки в Германию участились и длились дольше; в марте в Берлине вышла вторая книга стихов Шкляра *Караван*, в конце мая – третья *Огни на вершинах*, в конце июля – четвертая *Вечерняя степь*. Участие в каунасской *Эхо* шло на убыль и вскоре прекратилось. Последним материалом Шкляра, опубликованным в газете Бухова, стала статья «Дом Наполеона» в номере от 28 августа 1923 г. Кроме того, два его стихотворения появились в августе и сентябре в еженедельном иллюстрированном приложении к газете, выходившем в Берлине под редакцией Б. С. Оречкина.

В октябре 1923 г. в Риге возобновился выход газеты демократического еврейства Латвии *Народная Мысль*<sup>13</sup>. В одном из первых номеров была напечатана с подписью «В-я» рецензия на сборник *Вечерняя Степь* (№ 2, 7 октября), затем – стихотворение Шкляра «Не хвалите людей одаренных книгу...» (№ 21, 29

<sup>8</sup> См.: С. Г. Исаков, 1) *Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки*, Тарту: Компу, 1996, с. 34–35; 2) «Свободное слово», *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940*, т. 2, 421.

<sup>9</sup> Авторы выражают признательность Т. К. Шор, любезно предоставившей текст публикации Шкляра в эстонских газетах.

<sup>10</sup> «Бойкот трудников *Накануне*», *Руль*, 1922, № 596, 12 ноября (30 октября). См.: Л. Флейшман, Р. Хьюз,

О. Раевская-Хьюз, *Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте*, Paris: YMCA-Press, Москва: Русский путь, 2003, 77–79; Александр Долинин, «Доклады Владимира Набокова в берлинском литературном кружке (Из рукописных материалов двадцатых годов», *Звезда*, 1999, № 4, 7–12; В. Ю. Кудрявцева, ««Веретено»», *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940*; т. 2, 48.

<sup>11</sup> Ив. Бунин, «Письмо в редакцию», *Руль*, 1922, № 604, 22 (8) ноября.

<sup>12</sup> «Хроника», *Руль*, 1922, № 627, 20 (7) декабря.

октября), уже публиковавшееся в берлинском иллюстрированном *Эхо*. В конце года в *Народной Мысли* было помещено еще одно его стихотворение «Есть в городе суровая кипучесть...».

Главной же заботой Шкляра стал журнал, призванный служить культурному сближению балтийских стран. Первый номер *Балтийского альманаха* под его редакцией вышел в Берлине в декабре, второй – в январе 1924 г., там же. Познакомиться с третьим номером *de visu* нам не удалось: вероятно, из-за финансовых недоразумений тираж не вышел за пределы типографии. Издание было начато в условиях экономических трудностей в Германии, краха русского книжного дела и заката «русского Берлина». В мае Шкляр объявил о продолжении издания *Балтийского альманаха* под его редакцией с четвертого номера в Риге, в издательстве «Пресса», адресуя все возможные претензии к прежнему издательству<sup>14</sup>. Летом журнал вышел с двойным заголовком *Балтийский альманах «Аргус»*. Издание, продолжая берлинский *Балтийский альманах*, одновременно претендовало на возобновление дореволюционного петербургского журнала *Аргус*. Формат и облик журнала изменились, появились иллюстрации и переводы английской беллетристики, – наряду с материалами того же рода, что и в первых

<sup>13</sup> См. краткую характеристику: Ю. И. Абызов, «20 лет русской печати в независимой Латвии», 10–11; Лазарь Флейшман, Юрий Абызов, Борис Равдин, «Рижская газета *Сегодня* и культура русского Зарубежья 1930-х гг.», *Русская печать в Риге: из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов*, кн. I, Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies, Vol. 13), 65–67.

<sup>14</sup> Евгений Шкляр, «Письмо в редакцию», *Сегодня*, 1924, № 101, 6 мая; Евгений Шкляр, «Письмо в редакцию», *Эхо*, 1924, № 126 (1153), 10 мая.

номерах *Балтийского альманаха*: переводы поэзии и прозы латышских, финских, эстонских, белорусских писателей, стихи Екатерины Галати и Ивана Рукавишниковца, статья Бальмонта о литовских дайнах, воспоминания Игоря Северянина, заметки о театральной и литературной жизни русского зарубежья и балтийских стран. Редактору принадлежат подписанная «Ев. Ш-р» заметка о литовском литературно-художественном журнале *Milda*.

К тому времени Шкляр жил в Риге и на короткое время возобновил свое участие в *Сегодня* – стихотворением «Вечерняя Рига» («Темнеют мосты сиротливо...»; № 81, 6 апреля). Затем в газете были напечатаны стихотворение «Пасха» («Все ближе гул пасхального набата...»; № 91, 20 апреля) и обзор литовской литературы «Творчество страны-витязя» (№ 105, 10 мая); позднее, уже в конце 1925 г., – стихотворение памяти Есенина (№ 293, 30 декабря)<sup>15</sup>. Но основной печатной площадкой Шкляра в 1924–1925 гг. стала газета *Народная Мысль* и, с конца 1924 г., – еженедельный журнал *Наш Огонек*. Редактором рижской *Народной Мысли* стал прибывший в декабре 1923 г. из Германии опытный журналист Б. И. Харитон, до ареста и высылки в 1922 г. – один из создателей и руководителей петроградского Дома Литераторов<sup>16</sup>. Заочное знакомство Харитона с Шкляром состоялось в конце 1921 г., когда в Доме Литераторов была получена первая книга стихов

<sup>15</sup> См.: Эдуард Мекш, «Евгений Шкляр о Сергее Есенине», *Literatūra: Rusistica Vilnensis*, 2003, 44 (2), 109–114.

<sup>16</sup> См. о нем: Лазарь Флейшман, Юрий Абызов, Борис Равдин, «Рижская газета *Сегодня* и культура русского Зарубежья 1930-х гг.», 79–82.

Шкляра<sup>17</sup>, а познакомились они, вероятно, еще в Берлине.

В течение года, с 28 мая 1924-ого, когда было напечатано стихотворение «Помните о детях...» («На углу, где строитель старый...»; № 121), до 1 мая 1925-ого, когда вышла газета с майским стихотворением «Весенний дым» («Задымилась, зажурчала...»; № 93), Шкляр опубликовал в *Народной Мысли* четырнадцать стихотворений, несколько театральных заметок и беседу с лидером эсеров, главным теоретиком и идеологом партии В. М. Черновым. Шкляр встретился с ним случайно в поезде Берлин – Рига. Чернов проездом остановился на три часа в Каунасе, чтобы встретиться со старым другом – депутатом II Думы от Сувалкской губернии, членом партии эсеров с 1917 г. Андреем Булатом (Андрюс Булота). В Риге он должен был принять участие в концерте-митинге протеста против репрессий эсеров в СССР, поэтому разговор коснулся судеб осужденных на процессе эсеров 1922 г. «Апостол эсеровского движения» сокрушался по поводу слабеющего здоровья Е. К. Брешко-Брешковской, утрат 1925 г. в рядах зарубежных соратников (череда смертей Карла Яльмара Брантинга, Фридриха Эберта, Сунь Ятсена) и в русском зарубежье (Л. Г. Львов, А. Т. Аверченко). Речь шла также о положении русских в Чехословакии, где Чернов жил с 1923 г., и в Польше, где незадолго до этого прошло турне по крупнейшим городам, о журнале *Воля Россия* и его сотрудниках<sup>18</sup>.

<sup>17</sup> Б. Харитон, «Заметки журналиста. Три открытки», *Народная Мысль*, 1925, № 24 (413), 1 февраля.

<sup>18</sup> Е. Ш., «С Виктором Черновым (случайная встреча)», *Народная Мысль*, 1925, № 79 (468), 7 апреля.

Среди стихотворений Шкляра в *Народной Мысли* – четыре лирических пейзажа, посвященных рижскому взморью, и «первомайское» приветствие весеннего пробуждения и нового рождения «в людских сердцах, как в почках», любви и жалости. Подобные стихи к «первому дню красавца мая» Шкляр прежде помещал в *Эхо*: «Первое мая» («В цветущий день любви и братства»; 1921, № 99, 1 мая), «Первое мая» («Иду я простой, непутевый...»; 1922, № 102, 1 мая). Остальные его стихотворения в рижской газете представляют собой своего рода рифмованные газетные заметки с откликами на определенные события: смерть в мае 1924 г. в Гамбурге двадцатитрехлетнего участника литературной группы «Серапионовы братья» («Памяти Льва Лунца»; 1924, № 150, 6 июля), двадцатилетие со дня смерти Чехова («Памяти А. Чехова»; 1924, № 158, 16 июля), десятая годовщина начала Первой мировой войны («Когда по прихоти царей...»; 1924, № 172, 1 августа).

подавляющее большинство стихотворений, так или иначе, связано с еврейскими темами. Например, «Памяти Теодора Герцля (1904–1924)» («Далеко отсюда, где седого моря...»; 1924, № 163, 22 июля) посвящено двадцатой годовщине со дня смерти основоположника сионизма («лучший сын Сиона», знавший верный «путь в Иерусалим»), «Памяти И. Трумпельдора (1920 – 7/III – 1925)» («У подножья Кефар-Гилеада<sup>19</sup>...»; 1925, № 53, 1 февраля) – пятой годовщине героической гибели при обороне еврейского посе-

<sup>19</sup> *Кфар-Гилади* – поселение в гористой местности рядом с Тель-Хай; слились в одно в 1926 г.

ления Тель-Хай в Верхней Галилее выдающегося еврейского политического и военного деятеля, кавалера 4-х Георгиевских крестов и первого еврея в российской армии, получившего офицерский чин, создателя Еврейского легиона в Египте (1915) и отрядов самообороны в Эрец-Исраэль (1920). Стихотворение «Шомеры в пустыне» («Разметалась желтая пустыня...»; 1925, № 80, 8 апреля), воспевающее самоотверженность еврейских поселенцев-первопроходцев, «шомрим и халуцим»<sup>20</sup>, которые «свершают» в невыносимых условиях «красивый подвиг за народ», предвещает:

Знают все, что поздно или рано,  
Но библейской речью зазвучат  
На большой дороге караванов  
Голоса израильских солдат!..  
Будет час, и знамя легионов  
Пронесется гордо по рядам,  
По еврейским штурмовым колоннам,  
Марширующим за Иордан!..

В ряду таких стихотворений стоит при-ветствие одному из основоположников новой ивритской поэзии «С. Черниховскому» («Из голосов, затерянных в пустыне...»; 1924, № 249, 4 ноября) – «поэту вольных слов, / И мастеру звенящего поныне, / Древнейшего из языков!». Стихотворение «Сердце Эмиля Золя» («Образ его нам дороже и ближе...»; 1924, № 231, 12 октября) удивляет странной датой в подзаголовке «1904 5/X 1924»: как известно, Золя умер в 1902 г., его сердце

<sup>20</sup> *Шомеры* – русифицированная форма мн. ч. слова *шомер* ‘страж, часовой’, ‘сторож’ (мн. ч. *шомрим*); охраняли еврейские сельскохозяйственные поселения и обрабатываемые поля от нападений арабов; *халуцим* – форма мн. ч. слова *халуц* ‘первопроходец, пионер’; так называли первых поселенцев-евреев в Эрец-Исраэль.

было перенесено в Пантеон в 1908 г. Но смысл текста вопросов не вызывает: стихотворение сводится к декларативной благодарности тому, кто «у надменных и черствых / Слезы исторгнуть сумел», выступив в защиту «старика-капитана», невинного Дрейфуса. Еврейское происхождение Лунца, очевидные для Шкляра и читателей газеты еврейские темы и реминисценции в творчестве писателя ставят в ряд стихов еврейской тематики и упомянутый выше поэтический отклик на смерть одного из «серапионов».

В *Народной Мысли* напечатаны также перевод популярной еврейской песни Мориса Розенфельда (Моше-Яков Алтер) «Ах вы, свечечки мои...» (1924, № 292, 25 декабря) и подписанные инициалами «Е. Ш.» заметки о постановках еврейского театра в Риге в декабре 1924 г. Тогда же в Риге прошел вечер Евгения Шкляра и его родственника композитора Ефрема Шкляра с участием Ирмы Брейтенштейн-Озолини и хора; судя по анонсам, Шкляр читал на вечере названные стихотворения памяти Герцля и капитана Трумпельдора, а упоминаемым «популярным “маршем еврейских легионов”» обозначались, скорее всего, «Шомеры в пустыне». Шкляр и в «С Виктором Черновым (случайная встреча)» счел необходимым отметить, что его собеседник «считается другом евреев», поэтому его сожаления о неблагоприятном положении евреев в Польше «идут искренно, от всего сердца».

Тем временем В. В. Гадалин (собственно Васильев) начал издавать еженедельный иллюстрированный журнал *Наш Огонек*. Его замысел закономерен, если учитывать господствующую в русском зарубежье

ориентацию на дореволюционную культурную традицию, сказавшуюся в названиях, в программных установках и формах деятельности ревельского и юрьевского «Цехов поэтов», берлинского Дома искусств, в устройстве кабаре «по типу» «Летучей мыши», в опытах возобновления *Сатирикона* и т. п.<sup>21</sup> Возможно, толчком для рижской инициативы была предпринятая в Берлине в 1923 г. попытка издания *Нового Огонька* и, в особенности, успех *Огонька*, возрожденного в 1923 г. в Москве Михаилом Кольцовым. Во всяком случае, журнал Гадалина структурой, форматом и даже клише заголовка воспроизводил чрезвычайно популярный дореволюционный еженедельник<sup>22</sup>.

В первом же номере *Нашего Огонька*, вышедшего 18 ноября 1924 г., опубликована «Поэма о земле» («Все рассыпается...»), посвященная Константину Бальмонту, также сотрудничавшему с рижским журналом. Стихотворение Шкляра рисует грядущую буколическую «заветную пору» после того, как Города будут побеждены «мятежной Землей»: человечество отречется от «железных пут», «проводов и труб», «нечистот и денег», обменяет их на «вольные пещеры между гор», «дикие, прекрасные ущелья», «пенье птах и ручейков бурливых», отрицет вражду и станет жить по «мудрым законам Земли».

Стихотворение «Вечер» («Большие, черные дома...»; 1924, № 4, 13 декабря,

<sup>21</sup> Другие примеры см: О. Р. Демидова, *Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья*, С-Петербург: Гиперион, 2003, 21–31.

<sup>22</sup> Ю. И. Абызов, «20 лет русской печати в независимой Латвии», 14–15.

с. б) развивает темы женского обмана и продажной любви:

Большие, черные дома,  
И фонари на перекрестках,  
И ночь, сводящая с ума  
Меж улиц чопорных и жестких...  
Вот призрак женщины, с лицом  
Иссиня бледным под вуалью:  
Мне так запомнилась вначале  
Рука, блеснувшая кольцом.  
Но стало ясно, кто она...  
Ее глаза сказали это, –  
Глаза, боящиеся света  
И масляные от вина!..

Эти темы Шкляр варьировал неоднократно – в стихотворениях «Одна из многих» («У нее под глазами глубокие тени...»), «Та и эта...» («Ах, почему есть где-то та...»), «Распятье» («На закате, лишь солнце нырнет под вуалью...»), «Ложь» («Есть ложь любви и ложь разврата...»), первоначально публиковавшихся в *Эхо* (1921, № 38, 17 февраля; № 104, 7 мая; № 149, 26 июня; № 251, 23 октября) и включенных в *Кипарисы*, и в других своих стихах.

В стихотворении «Воспоминание» («Не бальный блеск, не роскошь туалетов...»; 1924, № 5, 20 декабря, с. 10) ложной красоте противопоставляется «неописуемая красота» воспоминания, пленяющая «вольнодумцев и поэтов». Традиционный конфликт здравомыслящей слепой толпы и, с ее точки зрения, беспомощного безумца, видевшего «лик огромной, гневной красоты», составляет лирический сюжет стихотворения «Слепой и зрячие» («Кто-то пристально глядел на солнце...»; 1925, № 3, 17 января, с. 15).

С пометой под текстом «Берлин 1923» журнал поместил картину степного порта «Порт» («1. Соленый ветер дует с моря...», «2. Мне виден порт в сиянии но-

вом...»; 1925, № 19, 9 мая, с. 12), насыщенную звуками и запахами. Она отразила впечатления от пребывания Шкляра в Петровске (с 1921 г. Махачкала) на Каспии во время гражданской войны. Лирическому «я» в этом двухчастном стихотворении, в отличие от лирического субъекта Шкляра в текстах с мотивами неприятия машинной урбанистической цивилизации, «близок грохот наковален, / Колес, приводов и машин», ему отраднее «Бродить с запасом автошин, / И едким запахом бензина / Степной овеивать ковыль». Образы порта, «гривы локонов морских», фелюг и парусов ассоциируются с характерной эмигрантской топикой морского странствия. «Бронзовая степь», степной ковыль, степная ромашка выступают знаками пространства далекой родины, отличного от европейского локуса.

В стихотворении «В громовый день» («День расплавлен... ни ветра... ни тени...»; 1925, № 33, 15 августа, с. 3) противопоставляются два типа поведения в грозу, рисуемую как сражение («осажденное небо», «батарея грозы», «полки кирасир», «пики молний»). Страх перед «молниевой борьбой» заставляет людей прятаться «в глухих погребках». Но лучше или выше – в бунтарском «дерзновенье» окунуться «в небесный свинец» и «под грохот надземных орудий» принять «сладкий конец». Традиционный мотив преимущества напряженного, концентрированного мгновения, даже если его интенсивность грозит гибелью, перед экстенсивной длительностью осложняется противопоставлением одинокого носителя «оскорбленной мечты» «безвольным людям».

Воспоминание «огней родительского дома» в стихотворении «Огонек» («За желтой россыпью взошедшего зерна...»; 1925, № 46, 14 ноября, с. 11) дает толчок разворачиванию лирического сюжета: ностальгическое обращение к родине сменяется назидательным афоризмом с аллегорической иллюстрацией путеводного значения «маяков воспоминаний» (с тем же эмигрантским подтекстом морского странствия) и завершается утверждением превосходства воспоминания о былой столице утерянной родины:

[...]  
О, милый край, в душе моей  
Подобен ты библейской Иордани...  
И чем грядущее печальней и темней,  
Тем прошлое яснее и желанней:  
Так в темноте бушующих ночей  
Мерцают маяки воспоминаний!..  
Но огонек один милее всех иных:  
Ему скитальческое сердце радо,  
Когда из прошлого покажется на миг,  
За серую кладбищенской оградой,  
Великолепие блестящих мостовых,  
Дворцов и храмов Петрограда...

Под стихотворением стоит помета: «Шавли (Литва). Ноябрь 1925 г.». Вероятно, она соответствует действительному пребыванию автора в Шяуляй и реальным обстоятельствам создания текста. Вместе с тем помета фиксирует зарубежное происхождение поэтического высказывания. Аналогично – «Литва, 1925» – помечены стихотворения «Колодники» («По Владимирской славной дороге...»; 1925, № 49, 5 декабря, с. 3) и «Отлетевшая Русь» («Облака-корабли, облака-корабли...»; 1926, № 2, 9 января, с. 10). В первом «неразгаданной России / И кровавый, и пламенный лик» неотделим от «страстотерпных болей», «великих мук» и звона



каторжных «кандалов бунтовских». Во втором «королевна» Русь, в «чьих глазах золотятся степные края», оказывается не потерянной родиной, а образом, унесенным эмигрантами в рассеяние.

Две темы доминировали в стихотворениях Шкляра в *Нашем Огоньке* – тема избранничества, точнее, избранничества поэта, и его филиации в стихотворениях «Воспоминание», «Слепой и зрячие», «В громовый день» (см. также в «Поэме о земле»: «лед вершин [...] Престолом будет тем, / Кто на свирели горной / Споет своим стадам о радости ухода [...]») и «русская» тема в стихотворениях «Порт», «Огонек», «Колодники», «Отлетевшая Русь». Это точно отмечено в эпиграмме Мих. Миронова («Из редакционного альбома журнала *Наш Огонек*»; 1925, № 46, 14 ноября, с. 17) на Шкляра:

...И имя дали вам – Евгений...  
С тех пор Вас гложет ряд сомнений;  
О, кто я? Гений – иль Евгений?  
.....  
«Ах, вы сени мои сени»...

Помимо стихов, в рижском еженедельнике Шкляру принадлежат две рецензии, подписанные инициалами «Е. Ш.» – на книгу стихов Александра Ли *Снежная месса* и сборник переводов латышского писателя Карлиса Скальбе *Сказки* (1924, № 3, 16 декабря, с. 16). Псевдонимом «Александр Ли» пользовался поэт и журналист А. М. Перфильев – сотрудник петроградского *Огонька* во время Первой мировой войны и рижского *Нашего Огонька*<sup>23</sup>. Из-за последнего обстоятель-

<sup>23</sup> Лазарь Флейшман, Юрий Абызов, Борис Равдин, *Русская печать в Риге: из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов*, кн. II: Сквозь кризис, Stanford,

ства рецензия не могла не быть одобрительной, хотя в стихах Ли и отмечена «не совсем желательная зависимость от произведений романсового жанра». Автор охарактеризован как «глухое, тянущееся к свету и солнышку, среди пустырей эмиграции, растеньице». Среди достоинств «музыкальных и четких» стихов Ли Шкляр выделил «смутную, но здоровую веру» в «чудо, красоту, в далекую, горькую Русь» и обнаружил «сексуальное начало». Оно, по мнению Шкляра, сближает стихи рижского поэта с «бездарным кликушеством» Владимира Корвин-Пиотровского<sup>24</sup> в незадолго до выхода *Снежной мессы* выпущенном в Берлине сборнике *Каменная любовь*. Однако у Ли «светит чистым и ровным светом» то, что «тускло и безжизненно» у Пиотровского. Пристрастное сопоставление любовных и эротических мотивов у двух авторов, вероятно, обусловлено сотрудничеством Ли и Шкляра в одном и том же издании при том, что берлинский автор заведовал отделом поэзии в журнале *Словохи*, где Шкляр без особого успеха пытался в 1922 г. опубликовать свои стихи и переводы литовских поэтов.

В первом номере *Балтийского альманаха* был напечатан перевод В. Долина сказки из книги Скальбе «Вечный студент и его сказка». В отклике на *Сказки* Шкляр вспоминал о том, что, «как оча-

1997 (Stanford Slavic Studies, Vol. 14), 450; Е. В. Витковский, «Перфильев», *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья*, т. I: *Писатели Русского Зарубежья*, Москва: РОССПЭН, 1997, 309–310 (почему-то не упомянут сборник *Снежная месса*); *Словарь поэтов Русского Зарубежья*, 186–187.

<sup>24</sup> См. о нем: С. Р. Федякин, «Корвин-Пиотровский», *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья*, т. I, 216–218.

рованные, сидели сотрудники журнала, читая грустное и величаво-прекрасное описание горя бедного студента». В рецензии на книгу, включающую биографический очерк о Скальбе, написанный В. Гадалиным, который «тонко и продуманно» отредактировал «чудесные сказки», Шкляр не поспешил на высокие оценки «высоко-талантливого писателя» – «одного из гигантов не только латышской, но скандинаво-балтийской литературы», «личности высокого творческого духа», чья «душа светится тысячей алмазов в его творениях».

В той же рубрике «Книжная летопись» *Балтийского альманаха* была напечатана рецензия И. Зилина на выпущенную в Риге пятую книгу стихов Шкляра *Посох* (1925, № 5, 31 января, с. 16). Рецензент значился в двух первых номерах журнала представителем *Балтийского альманаха* для Латвии. В, разумеется, лестных оценках издания (порицались лишь неудачный формат и бесцветная обложка) были отмечены «четкость и ритм стиха» в эпоху «всевозможных исканий, когда в поэзии появился целый ряд новых течений, как имажинизм, футуризм и пр.», любовь к природе и ненависть ко лжи и лицемерию «зашнурованного города». В *Посохе* выделена национальная тема, и, по мнению рецензента, сборник особенно интересен тем, что «поэт, по национальности еврей, исповедуясь в былых своих мечтах и надеждах, – возвращается на лоно своего народа [...]».

В *Посох* вошли стихи, опубликованные в 1923–1924 гг. в *Эхо* и иллюстрированном приложении к нему, в *Руле* (программное «Из книги *Посох*. Вступление»; 1924, № 1002, 21 марта), в

*Сегодня* и *Народной Мысли*, – как правило, с незначительными поправками и нередко со сменами заглавий. Например, «Пасха» в *Сегодня* менялась на «Все ближе гул» в *Посохе* (по первым словам стихотворения); изменение «Памяти А. Чехова» в *Народной Мысли* на «Душа писателя» снимало приуроченность к годовщине, распространяя возможность адресации стихотворения ко всякому писателю. В некоторых случаях редакция не ограничивалась изменениями в пунктуации, в графическом членении строф и одиночными лексико-стилистическими замещениями: в книге из стихотворения «Памяти Льва Лунца» выпущено третье четверостишие. Из стихов, напечатанных в журнале *Наш Огонек*, в *Посох* вошли «Вечер» и «Поэма о земле», переименованная в «Константину Бальмонту» и снабженная эпиграфом – цитатой из письма Бальмонт: «Ваш голос мне кажется живым, я рад его слушать!» В раздел книги «Бело-голубое»<sup>25</sup> с посвящением Жаботинскому вошли публиковавшиеся в *Народной Мысли* стихи «Памяти Теодора Герцля» (в книге «Памяти Герцля»), «С. Черниковскому», «Памяти И. Трумпельдора» (в книге «Памяти капит. Трумпельдора»).

В отличие от прежних сборников Шкляра, в *Посохе* отсутствуют тексты ярко выраженной русской тематики. Это отвечало декларируемой в стихотворении «По иным просторам» смене ценностей: «Русь, по тебе я прежде плакал» – «Теперь по иным просторам, / По верхушкам

<sup>25</sup> Сочетание белого и голубого, голубые полосы на белом фоне с конца XIX в. являются существенным элементом сионистского флага, впоследствии флага государства Израиль.

пальмовых рощ, / По скрижалям старой Торы / Мыслей льется золотой дождь...»<sup>26</sup>. Стихи в журнале *Наш Огонек* 1924–1926 гг. противоречат заявленной эволюции. Более того, десятилетие спустя в Риге вышел восьмой сборник стихов Шкляра *Poeta in aeternum* (1935), куда были включены «Вечер», «В громовый день», «Колодники», «Порт» (после *Нашего Огонька* повторно появившееся также в каунасской газете *Наше Эхо*, 1929, № 117, 28 июля), «Воспоминание» (с посвящением П. М. Пильскому), «Огонек» (с посвящением В. В. Гадалину, привносящим в стихотворение аллюзию на журнал). Такие повторные публикации в периодике и включение в сборник текстов, написанных за десятилетие до того, могут говорить о неподвижности художественного мышления поэта, демонстрировавшего внешнюю плодотворность.

О том же свидетельствует единственная публикация Шкляра в рижской «русской национально-демократической газете» *Слово*. Она начала выходить в ноябре 1925 г. и благодаря солидной финансовой базе сумела привлечь к сотрудничеству такие крупные фигуры русского литературного зарубежья, как Амфитеатров, Бальмонт, Зайцев, Лукаш, Ремизов, Шмелев<sup>27</sup>. Шкляр опубликовал в газете статью «Литовское культурное возрождение» (1925, № 6, 17 ноября). Большая часть статьи фактически представляет собой очерк жизни и творчества Майрониса. В августе 1928 г. с несущест-

венными поправками, под названием «Майронис, как предтеча литовского ренессанса», статья была перепечатана в возобновленном в Каунасе *Балтийском альманахе* (№ 5, с. 62), а позднее – в связи со смертью поэта – в газете *Литовский Курьер* (1932, № 81, 1 июля). Под текстом в *Балтийском альманахе* стояла помета «Париж, 1925 г.», в *Литовском Курьере* – «Написано в Париже, в 1925 г.»; на самом деле в Париже Шкляр пребывал с апреля 1926 г. и подзаголовки статьи в рижской газете «От ковенского корреспондента *Слова*» точнее указывает, где она была написана.

Покинув Ригу не позднее осени 1925 г., Шкляр продолжал публиковать стихи в журнале Гадалина и сотрудничать с газетой *Сегодня*. В *Сегодня Вечером* были напечатаны стихи «В снегах Литвы» («Холодное, тусклое солнце...»; 1926, № 14, 19 января), в *Сегодня* – путевые очерки «Поездка по Литве» (1926, № 27, 4 февраля; № 46, 27 февраля). Затем последовали стихи, писавшиеся уже в Париже: «Париж» («Во власти солнечного плена...»; *Сегодня Вечером*, 1926, № 86, 20 апреля), «Мадлен» («Вечерами, за шумным Парижем...»; *Сегодня*, 1926, № 129, 13 июня). В течение 1927 года *Сегодня* поместила еще пять стихотворений Шкляра, преимущественно с парижскими сюжетами: «Стихи из госпиталя» («Как в море речное теченье...»; № 35, 13 февраля), «Улыбке жалостной...» («Любил ли я тебя, чернавка молодая...»; 70, 27 марта), «Пасха у Мадлен» («В глубине Люксембургского парка...»; № 86, 17 апреля), «Обелиск» («Резьбой египетской усыпан...»; № 102, 8 мая), «Карменсита» («Не о знойном, бронзовом Таити...»;

<sup>26</sup> Евгений Шкляр, *Посох. Пятый сборник стихов*, Рига: Изд-во «Культура», 1925, 39–40.

<sup>27</sup> См.: *Газета «Слово» 1925–1929: роспись*, сост. Ю. Абызов, Рига: Даугава, 2003.

№ 125, 5 июня). Стихи же на еврейские темы печатались в 1925–1927 гг. в парижской еженедельной еврейской газете *Рассвет*. Таким образом, тематическое распределение стихотворной продукции Шкляра между *Сегодня* и *Рассветом* во второй половине 1920-х гг. повторяло *mutatis mutandis* ситуацию с газетой *Народная Мысль* и еженедельником *Наш Огонек* в середине десятилетия.

Из публиковавшихся в *Сегодня* в 1926–1927 гг. стихотворений «Мадлен» перепечатывалась в *Балтийском альманахе* (1928, № 3, 15 июня, с. 31), а стихотворения «В снегах Литвы» (под измененным заглавием «В Уцяньских лесах») и «Улыбке жалостной...» (с новым названием «Литвинке» и с заменой в первой строке «чернавки» на «литвинку» [«Любил ли я тебя, литвинка молодая...»]) вошли в изданную в Париже книгу стихов *Летува золотое имя* (1927). В восьмую книгу Шкляра *Poeta in aeternum*, оказавшуюся последней, вошли «Стихи из госпиталя» (в виде двух отдельных стихотворений без заглавий), «Обелиск» и «Карменсита».

В книге *Летува золотое имя* Шкляр предстал поэтом литовской темы; по возвращении в Литву он выступал в этой роли в *Сегодня*, где к десятилетию провозглашения восстановления независимости Литвы было напечатано стихотворение «Литве (Из сборника *Вечерняя степь*)» («Литва, Литва – твой испокон столетий...»). В других редакциях оно публиковалось в *Эхо* еще 6 января 1923 г. и затем в сборнике *Вечерняя Степь* (Берлин, 1923). В том же номере *Сегодня* помещены переводы Шкляра стихотворений Л. Гиры «Мы – братья», Майрониса «Девушка» и Ф. Кирши «Летуве»

(№ 44, 15 февраля). К Дню независимости Латвии был напечатан перевод стихотворения «Литовцы и латыши» Л. Гиры (№ 314, 18 ноября). Кроме того, в *Сегодня* печатались стихотворения «На взморье» («Он вышел в море, бриг рыбацкий...»; № 132, 17 мая) и «Офицерам Великой войны» («Жесток ваш путь... Изведав и постигнув...»; № 240, 5 сентября). Сотрудничество Шкляра в рижской газете заметно сократилось и продолжения не получило. Не участвовал он и в других латвийских изданиях, по меньшей мере, до 1934 г., когда началось его сотрудничество с рижским еженедельным иллюстрированным журналом *Для Вас*.

Объясняется это новыми возможностями, появившимися у Шкляра после его возвращения из Парижа в Каунасе. Еще осенью 1927 г. каунасская *Эхо* напечатала первое после перерыва в несколько лет стихотворение Шкляра «Золотистый странник (Из книги *Голубь в метрополитене*)» («В городе, где выдумал механик...»; № 240, 23 октября), тематически примыкающее к парижским стихам в *Сегодня*. В следующем году *Эхо* и возобновленный в мае *Балтийский альманах* под редакцией Шкляра обильно публиковали его стихи, переводы литовских поэтов и прозаиков, статьи и рецензии, а с марта 1929 г. к этим изданиям добавилась ежедневная газета *Наше Эхо*, ответственным редактором которой был Шкляр. Он же был редактором-издателем *Балтийского альманаха*. Редакция располагалась в Каунасе, а печатался журнал в Риге и Васильев-Гадалин значился ответственным представителем в Латвии.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. Шкляр достаточно интенсивно сотруд-

ничал с пятью латвийскими периодическими изданиями, не считая единственного номера журнала *Балтийский альманах «Аргус»* и возобновленного в 1928 г. *Балтийского альманаха*. Как правило, стихи Шкляр печатал в рижских изданиях впервые, за исключением единичных случаев повторных публикаций в *Либавском Русском Слове* 1922 г. и в *Народной Мысли* 1923 г. В совокупности его стихотворных текстов в латвийской печати некоторой жанрово-тематической новизной отличаются лишь стихи на парижские темы. Еврейские темы, характерные эмигрантские мотивы, (анти)урбанистические и морализирующие сюжеты были привычны для Шкляра, а стихи «на случай» писались

им еще до Первой мировой войны в южнорусских газетах.

С упадком «русского Берлина» участие в *Сегодня*, *Народной Мысли*, *Нашем Огоньке*, *Слове* становилось для Шкляра насущной необходимостью, поскольку оно сулило открыть или, действительно, открывало доступ к несравненно более широкой аудитории, чем у каунасской *Эхо*. Кроме того, публикации в таких изданиях, как *Сегодня*, *Наш Огонек*, *Слово*, с которыми сотрудничали лучшие литературные силы русского зарубежья, укрепляли статус Шкляра. Однако участие в латвийских газетах и журналах не становилось исключительным: параллельно Шкляр сотрудничал с изданиями, выходившими в Каунасе, Берлине, Париже.

#### EUGENIJUS ŠKLIARAS XX A. TREČIO DEŠIMTMEČIO LATVIJOS PERIODINĖJE SPAUOJE

Pavel Lavrinec, Natalja Kononova

Santrauka

Straipsnyje analizuojamas poeto, žurnalisto, lietuvių literatūros vertėjo Eugenijaus Škliaro (1893–1941) bendradarbiavimas Latvijos rusų periodinėje spaudoje. Gyvendamas Kaune, Škliaras 1920 m. spausdino korespondencijas Rygos dienraštyje *Segodnia*, 1921–1922 m. siuntė eilėraščius Liepojaus dienraščiui *Libavskoje ruskoje slovo*. 1923–1925 m. žydų dienraštis *Narodnaja misl'* publikavo jo eilėraščius, daugiausia proginų ir žydų temomis, bei straipsnelius. Iliustruotame savaitraštyje *Naš ogoniok* 1924–1926 m. Škliaras skelbė eilėraščius daugiausia rusų išeivijos motyvais,

taip pat recenzijas. Beje, 1924–1925 m. jis gyveno Rygoje. Grįžęs į Kauną, Škliaras parašė straipsnį apie Maironį dienraščiui *Slovo*, eilėraščius ir kelionių po Lietuvą apybraižą dienraščiui *Segodnia*. Vėliau iš Prancūzijos jis siuntė šiam svarbiausiam Latvijos ir iš dalies visos rusų išeivijos dienraščiui eilėraščius Paryžiaus motyvais. Dešimtmečio pabaigoje po eilėraščių apie Lietuvą ir lietuvių poetų vertimų jo bendradarbiavimas dienraštyje *Segodnia* ir kitose Latvijos laikraščiuose nutruko dėl prasidėjusio intensyvaus darbo Lietuvos spaudoje.

#### EVGENIJ SHKLIAR IN THE RUSSIAN PERIODICALS OF LATVIA OF THE THIRD DECADE OF XXTH CENTURIES'S

Pavel Lavrinec, Natalja Kononova

Summary

In the article is analyzed the collaboration of poet, journalist, translator of Lithuanian literature Evgenij Shkliar (Eugenijus Škliaras; 1893–1941) in the Russian periodicals of Latvia. Living in Kaunas, Shkliar printed in 1920 correspondence in the Riga daily

newspaper *Segodnia* (“Today”) and sent in 1921–1922 verses into the Liepaja daily newspaper *Libavskoje ruskoje slovo* (“Liepaja Russian Word”). In 1923–1925 the Jewish daily newspaper *Narodnaja misl'* (“People Thought”) published his verses, in the major-

ity the occasional poems and the verses on the Jewish themes, also theatrical and other notes. In the illustrated weekly journal *Nash ogoniok* (“Our Flame”) Shkliar in 1924–1926 published poems most of all to the motives of Russian emigration, and also books reviews. Shkliar in 1924–1925 lived in Riga. After returning to Kaunas, Shkliar wrote article about Lithuanian poet Maironis for the newspaper *Slovo* (“Word”), poems and traveling notes for the newspa-

per *Segodnia*. Later from France Shkliar sent his verses on the themes of Paris for this largest Russian newspaper of Latvia and one of the largest newspapers in the Russian diaspora. At the end of the decade after verses on Lithuania and translations of the Lithuanian poets its participation in *Segodnia* and in other Latvian newspapers has interrupted because of the intensive work in the periodicals of Lithuania.

Получено: 2005, март  
Принято к публикации: 2005, апрель

*Адреса авторов:*  
Вильнюсский университет  
Кафедра русской филологии  
Universiteto g. 5  
LT-01513, Vilnius, Lietuva  
E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt

Latvijas universitāte  
Filoloģijas fakultāte  
Slāvu valodu un literatūru nodaļa  
Visvalža ielā 4a  
LV-1050 Rīga, Latvija  
E-mail: bondi@inbox.lv